

Венгерскаго гусара Гичи перваго полка-регенту, порубленнаго русскими драгунами, тоже погребли гдѣ-нибудь въ общей могилѣ. Елена вскорѣ поняла, что поиски ея напрасны.

Гордая и одинокая дѣвушка изъ Будапешта слегка презирала этотъ бѣдный Карпатскій край, лѣсной и соломанный, недавнюю провинцію Венгріи, отошедшую по своей волѣ къ Чехословакіи. Она уже скучала, что затѣяла таксе путешествіе.

Свѣтловолосая венгерка, съ золотисто-синими глазами, напоминала своихъ предковъ гусаръ: она любила верховую ѣзду, была спокойна, безстрашна и любопытна къ приключеніямъ.

Но больше лошадей она любила старья книги, старья картины, а главное, у нея было свое, женственное, совершенно не гусарское, чувство щемящей вины передъ любимъмъ страданіемъ, даже самымъ маленькимъ, и передъ кровью.

Кромѣ того, какъ всѣмъ дѣвушкамъ ея лѣтъ, — ей шелъ двадцать третій годъ. — Еленѣ казалось, что молодость прошла, что она старѣетъ, и что она лучше всѣхъ на свѣтѣ понимаетъ людей и жизнь.

И все же, хотя она старѣетъ, но что то необыкновенно прекрасное еще ждетъ ее, должно съ ней случиться...

II.

Къ вечеру караванъ подошелъ къ горному селу Соймы.

Елена увидѣла бѣлѣющіе дома на отлогомъ зеленомъ лугу, деревянную, слегка покосившуюся, церковь со странными башенками, сѣдобородаго старика въ бѣломъ кожухѣ и широкой соломенной шляпѣ, ведущаго воловъ по дорогѣ, и горы за селомъ въ лиловатыхъ полосахъ свѣта, успокоенныя, нѣжныя, въ вечерней дымкѣ.

Пахло дымомъ и сѣномъ. Въ селѣ лаяли овчарскія собаки.

Изъ подъ навѣса корчмы на тоненькихъ столбикахъ, съ чешской надписью «Туристицкій Домъ», кланялся, показывая бѣлые зубы, чернобородый, похожій на жука, корчмарь.

Братиславскіе туристы свалили въ кучу мѣшки, палки, еще какія то ни къ чему негожія горныя сооруженія и, кажется, не могли подняться съ травы. Жандармы стали пить ледяную воду у скрипучаго колодца.

Корчмарь повелъ Елену въ домъ, кланяясь и суется безъ толку:

— Сюда, кипасонька, сюда, ай, ясыня...

За нимъ, держась за полу пальто, — корчмарь былъ въ старомъ лѣтнемъ пальто и въ туфляхъ на босу ногу, — тащился хвостъ его измазанныхъ, черноглазыхъ и пейсатыхъ корчмаренковъ. У одного въ кулачкѣ былъ

хлѣбъ съ медомъ. Вокругъ дѣтской головы, похожей на войлокъ, звенѣли мухи, осы и пчелы, можетъ быть, со всей округи.

Въ низкихъ комнатахъ было грязно, душно. Пахло лукомъ-цибулей, фаршированной рыбой, чеснокомъ, чебрецомъ, керосиномъ-нафтой и еще чѣмъ то очень нехорошимъ. Вышла корчмарша, огромная, какъ возъ съ сѣномъ, всплеснула руками и радостно закричала на Елену. Такъ же закричало все корчмарское племя.

Елену провели въ узкій чуланъ, въ концѣ корчмы: тамъ была прикрытая бѣлымъ постель, похожая на дѣвичью. Изъ открытаго узенькаго окна пахло сѣномъ.

— Хорошо, я переночую здѣсь, — сказала Елена.
— Принесите мнѣ воды и оставьте меня....

Жукъ въ лѣтнемъ пальто, болтая тощими руками и ногами, такъ засуетился, выпучивая глаза и шлепая своихъ Осекъ и Шмукъ, что выбилъ младшему изъ грязнаго кулачка хлѣбъ съ медомъ. Малый Мойшелъ возопилъ во весь голосъ. Тучная Сарра захлопала въ ладоши, какъ гусыня крыльями, и выгнала все свое пейсатое племя вмѣстѣ съ супругомъ.

Уже вечерѣло. Елена закинула на дверь крючекъ. Она вымылась вся, залила половицы свѣжей водой. Это была стройная дѣвушка, съ холоднымъ и нѣжнымъ тѣломъ матовой бѣлизны.

Надъ постелью нашлось зеркало, съ отбитымъ куточкомъ, засиженное мухами, съ бумажнымъ цвѣткомъ, воткнутымъ за раму.

Въ тонкомъ сумракѣ вечера Елена съ удовольствіемъ стала расчесывать волосы гребнемъ.

Она приказала убрать нечистый пуховикъ и принести сѣна. Она разостлала на сѣнѣ свѣжую простыню, какая нашлась въ дорожномъ мѣшкѣ.

Вдругъ она почувствовала, что кто то смотритъ на

нее. Елена накинута сиреневый халатикъ и обернулась на окно. Въ окнѣ стояла дѣвушка, вѣрнѣе подростокъ. Смуглая еврейка положила локти на подоконникъ и смотрѣла на Елену. На загорѣвшей шеѣ подростка свѣтилась нитка монистъ.

— Насмотрѣлась?

Еврейка поняла венгерскую рѣчь. Она не смутилась, закивала головой:

— Вотъ красивая панночка, кишасонько, такой и не видѣла никогда... Хотѣла бы я быть, какъ вы. На вашемъ мѣстѣ хотѣла бы быть, въ Будапештѣ жить.

— Не много ли сразу... Ну что же, забирайся въ комнату.

Босая еврейка почти безшумно, по кошачьи мягко прыгнула въ окно, монисты зазвенѣли. Видно, ей было это въ привычку.

— Кажется, я заняла твою комнату?

— Мою...

— Тебя какъ зовутъ?

— Рухля.

Блестящими глазами она безъ стѣсненія осматривала Елену, коснулась, даже погладила ея сиреневый халатикъ загорѣвшей рукой.

— Что же тебѣ мѣшаетъ, Рухля, еще побываешь въ Будапештѣ.

— Нѣтъ. Не бывать. Меня замужъ выдаютъ.

— Ты рада?

— Нѣтъ. Онъ паршивый...

— Какъ?

— Паршивый. Старый... Онъ меня отъ таточки куповаль... Я несчастная.

Признаніе босой Рухли было неожиданно, но утѣшать ее не пришлось.

— А вы таточку вашего ищете? — съ любопытством освѣдомилась она.

— Уже знаешь, откуда?

— Жандармы сказали... Но у насъ тутъ и могиль нѣтъ. Всѣ казаки пограбовали.

— Какъ, и могилы?

— И могилы, — ни мало не смутилась Рухля. — Все, ну вотъ все, до крошки... Пожгли, побили, когда были... Казаки — у-у-у.

— Страшные? — Елена разсмѣялась.

— Таки страшные, таки — у-у-у, — съ хитрымъ ужасомъ разсмѣялась и Рухля.

— Но когда же ты видѣла казаковъ?

— Я... Ни... Я ихъ не видала. Таточка видалъ. Всѣ съ нагайками и головы псинья...

— Свадьба твоя когда?

— Свадьба?... Развѣ я знаю... Смотрины-заручины сегодня... Онъ и музыкантовъ привезъ. Паршивый... Вамъ спать помѣшаютъ.

— Ничего... Ты смѣшная.

— Ахъ, кишасонько, я пойду, а то меня мама хватится....

Рухля, какъ кошка, головой впередъ, кинулась въ окно.

Потомъ въ дверь постучалъ корчмарь. Елена его не впустила: она отказалась отъ ужина, горькаго настоя, смѣси овощей, перца, цибули, чеснока.

Она слышала какъ въ корчмѣ шумять за подгорянскимъ пивомъ и серединскимъ виномъ туристы, какъ жандармъ небрежно, по начальнически, говорить что то корчмарю, а тотъ съ восторженной готовностью покривается:

— Такъ, пане-капитане, ай — такъ...

На прохладной простынѣ, на сѣнѣ. Елена сладко

вытянулась, потомъ свернулась, по дѣтской привычкѣ, въ комокъ.

Въ глазахъ пошли туманно-зеленые горные луга, движущіеся лѣса, пропасти, долины, въ голубоватой дымкѣ воздуха и понесло ее, качая, выше, выше, къ синимъ вершинамъ Карпатъ.

Она заснула. И на этомъ кончилась прежняя жизнь Елены Гичи изъ Будапешта.

III.

Проснулась она глубокой ночью внезапно...

Шумѣль сильный, свѣжій дождь. Вѣтеръ заносилъ ей на лицо мокрую киссиную занавѣску открытаго окна. Отъ того она и проснулась.

Въ шумѣ дождя стукнула дверь, заколотилась гдѣ-то ставня. Елена услышала рѣзкій крикъ, что то упало со звономъ.

Кто то выль подавленно, глухо, точно толпа привидѣній зловѣще вопила въ горной корчмѣ.

Жестяная лампочка — лампашъ, которую корчмарша оставила у зеркала, давно погасла. Елена прислушалась. Это не дождь и не вѣтеръ: рядомъ кто то выль. Это было страшно. Дрожа отъ холода и тревоги, дѣвушка накинула черное платье, закрутила въ узелъ волосы.

Она толкнула дверь въ сосѣдную комнату. Тамъ спальня корчмаря.

Пусто. Съ деревянной кровати, намазанной керосиномъ отъ клоповъ, сброшенъ тюфякъ, пухъ низко летаетъ по комнатѣ. На стѣнѣ коптитъ жестяная лампа, красноватый жгутъ копоти тянется по стеклу. Посреди душевой комнаты, гдѣ подъ бѣленнымъ потолкомъ черными роями жужжать встревоженные мухи, опрокинуть вверхъ ножками вѣнскій стулъ.

Именно этотъ стулъ убѣдилъ Елену, что близко

происходить что то ужасное. Она открыла дверь въ самую корчму и остановилась на порогѣ.

Точно увидѣла она невѣроятный сонъ съ черными тѣнями, кривляющимися на прокопченныхъ балкахъ потолка.

На полу стоитъ свѣча въ мѣдномъ подсвѣчникѣ. Рядомъ поблескиваютъ цимбалы съ разсыпанными желѣзными пластинками. Къ стѣнѣ, въ углу, прислоненъ опрокинутый столъ. На немъ распростертъ человекъ.

Рыжій, съ длинными пейсами, въ черномъ сюртукѣ, съ оборваннымъ воротомъ, съ тяжелымъ, тугимъ лицомъ, посинѣвшимъ отъ ужаса, съ выкаченными глазами. — какъ давленникъ.

Въ другомъ углу жметя темная куча людей. Тамъ Сарра, корчмарь, музыканты, у одного въ скорченной рукѣ качается скрипка. Тѣнь руки со скрипкой ходитъ по набѣленной стѣнѣ, какъ кривая паучья лапа.

Передъ сбившейся человѣческой кучей стоитъ карпатскій горецъ, верховинскій паренъ въ кожухѣ и въ бѣлой рубашкѣ съ голубыми пуговицами, въ ременныхъ постолахъ, въ рукѣ тусклый ноганъ. Другой верховинецъ, въ узкихъ, красныхъ штанахъ, съ карабиномъ, стоитъ у дверей. Тамъ, въ потемкахъ, отблескиваютъ очки братиславскихъ туристовъ.

Надъ восковой свѣчей стоитъ третій, въ широкомъ красномъ поясѣ, бѣлая рубаха вышита синими, красными разводами. Снизу освѣщено его молодое лицо. Онъ раскачиваетъ въ рукѣ ножъ. Ножъ высверкиваетъ, блистаетъ.

Онъ размахнулся и швырнулъ ножъ въ рычаго, распростертаго у стола.

— Кто убилъ? — крикнулъ рѣзко верховинецъ. — Говори, кто!

Ножъ со звономъ ударилъ въ столъ, вонзился. Ры-

жій человекъ задержался молча, какъ папочный плясунъ.

— Такъ я разсѣку тебѣ голову, лингаръ... Поддай ножъ, Федоро.

Верховинскій паренъ въ кожухѣ, съ ноганомъ, — это былъ подростокъ, — вырвалъ изъ стола ножъ, обернулся и увидѣлъ въ дверяхъ Елену.

На блѣдномъ лицѣ мальчишки-овчара мелькнуло изумленіе, ужась, онъ выронилъ ножъ и перекрестился: — Оленка...

Всѣ три разбойника быстро посмотрѣли на Елену.

Съ холодной смѣлостью дѣвушка оглядѣла этихъ горныхъ овчаровъ — грабителей, и сказала тому, кто бросалъ ножъ:

— Что ты дѣлаешь? Ты сошелъ съ ума... Злодѣй.

Точно того и ждали цимбалисты, скрипачи. Сарра: всѣ завыли, закричали отчаянно.

Въ потокѣ горячихъ воплей Елена могла разобрать, что рыжій ничего не знаетъ, не за что въ него швырять ножомъ, — пусть лопнутъ его глаза, вырвутъ языкъ, — онъ не знаетъ, кто убилъ старика изъ Волового.

Рыжій дрожалъ, дергался, по разсѣченной щекѣ сочилась кровь. «Вѣроятно, женихъ Рухли», — подумала Елена.

Верховинецъ, бросавшій ножъ, съ изумленіемъ, пристально смотрѣлъ на Елену. Потомъ усмѣхнулся, лицо снова стало жесткимъ, упорнымъ.

— Всѣхъ загнать по мѣстамъ. Руки вверхъ!

Рябой разбойникъ въ красныхъ штанахъ сильно толкнулъ Елену въ уголь, задѣлъ руку прикладомъ.

— Холопъ, — бросила ему Елена, потирая руку.

Красноштаннй даже не обернулся.

Вдругъ отбросило дверь на улицу, съ порывомъ вѣтра въ корчму кинулся дождь, туманъ.

Свѣча на полу погасла. Еще кто-то вошелъ, стуча

карабиномъ. Съ мокраго кожуха слышно стекала вода. Онъ что то сказалъ быстро, гортанно.

Попадали скамьи, стулья. На Елену накинули мокрую овчину, кто то толкнулъ ее къ дверямъ. Ее вывели подъ дождь, на дворъ. Въ темнотѣ, по отблескивающимъ очкамъ, она узнала братиславскаго туриста.

— Насъ уводятъ, — бормоталъ онъ по мадьярски. — Это возмутительно... Они связали мнѣ руки.

— Ихъ что-то спугнуло, — прошептала Елена. Ей не было страшно, она съ гордымъ любопытствомъ ожидала, что будетъ дальше.

— Конечно, спугнуло, — бормоталъ братиславскій чиновникъ. — Они обезоружили, заперли жандармовъ, взяли ихъ форму, двѣ пары жандармскихъ сапогъ... А жандармы бѣжали босые.

Въ корчмѣ, когда разбойники увели туристовъ, рыжій человѣкъ въ изодранномъ сюртукѣ упалъ бокомъ на вѣнскій стулъ, сильно дернулъ себя за пейсы и завылъ неожиданно тоненькимъ, плачущимъ голосомъ.

Тогда изъ подъ Сарры, точно изъ пещеры, выползло все ея племя и мужъ, тоже уместившійся гдѣ то за нею, на корточкахъ. Рыжій и цимбалисты, скрипачи, Сарра, корчмарята, какъ хоръ аттической трагедіи, выступившій, наконецъ, на сцену, подняли дикій вопль на все село.

Рухля, перебирая мониста, молча стояла у стѣны.

Съ прискаленными зубами она съ ненавистью смотрѣла на рыжую голову жениха, какъ будто жалѣла, что ножъ миновалъ голову горнаго злодѣя.